

АЛЕКСАНДР
ГРОМОВ

ВЫЧИСЛИТЕЛЬ

Александр Николаевич Громов

Вычислитель

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121593

Вычислитель: фантастические повести: Эксмо; Москва; 2009

ISBN 978-5-699-38133-3, 5-699-06693-4

Аннотация

Смертная казнь на планете Хлябь давно отменена. Высшая мера здесь – изгнание... В огромное болото, через которое можно добраться к Счастливым Островам. Счастливым, потому что там можно жить, а не медленно умирать, быстро теряя человеческий облик. Вот только ещё никому не удалось пройти 300 километров через болото.

Но однажды к высшей мере был приговорён вычислитель, гениальный человек, способный просчитать практически всё...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	32
Глава 4	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Александр Громов

Вычислитель

Глава 1

Изгнанники

Если бы кому-нибудь взбрело на ум отведать здешней воды, он несомненно нашел бы, что она горька, имеет внятный тухлый привкус и вдобавок заметно солоновата – не настолько, чтобы ее совсем нельзя было пить, однако вполне достаточно, чтобы напрочь отбить такое желание у любого, кто не издыхает от жажды.

И вид воды тоже не радовал глаз. Вдавлив кружку или котелок в упругий ковер из переплетенных растений, жаждущий мог нацедить порцию бурой от торфяной взвеси жижицы, часто с маслянистой пленкой на поверхности и всегда с полчищами суесящихся крошечных организмов, совершенно безвредных, но вызывающих омерзение даже у не слишком брезгливого человека.

Бредущий по болоту не умер бы от жажды, не имея при себе опреснителя или фильтра с ионообменником, совсем нет. Более того, потребление солоноватой воды не грозило его здоровью по меньшей мере в течение нескольких недель,

а что до неприятных ощущений, то это, как водится, дело сугубо личное и мало кому интересное. Равным образом никого и никогда не интересовало, грозило ли бы обезвоживание организма тому, кто проведет на болоте свыше нескольких недель. Не интересовало просто потому, что прожить на болоте столь долго – уже из разряда невероятных чудес, требующих столь же невероятного везения, и вода тут совершенно ни при чем.

Легенды были, да. Но не статистика. Ни на Хляби, ни на любой другой планете, освоенной людьми, статистика не оперирует категориями невероятного.

Большой автобус без окон, со значком департамента юстиции на борту низко протянул над плоским берегом, погасил скорость возле вышки энергоизлучателя, убрал антиграв и с коротким скрежетом опустился на щебнистую почву. Судя по скучной невыразительности подлета и посадки, управлялся он киберпилотом, давным-давно нащупавшим оптимальную последовательность маневров на данном маршруте и не склонным экспериментировать. Чмокнув, лопнула дверная мембрана. Подобно дразнящему языку выдвинулся и лег на щебень трап.

Те, кто вышел из автобуса, четко делились на две категории: люди с оружием и невооруженные. Последние были скованы между собой наручниками в длинную цепочку. Их было десять: семеро мужчин и три женщины, одетых в тюремную униформу – тяжелые башмаки, черные обтягиваю-

щие штаны, мешающие чересчур быстрой ходьбе, не говоря уже о беге, черные тюремные робы с большим белым кругом на спине, светящимся и в темноте, однако же не настолько ярко, чтобы помешать прицеливанию.

Одна из женщин всхлипывала. Мужчины угрюмо молчали. Кружилась и лезла в глаза мошкара.

По знаку старшего в команде, немолодого плотного служаки со скромными нашивками лейтенанта и лицом кирпичного цвета, конвойные рассыпались цепью и взяли оружие на изготовку. Пусть у осужденных нет ни малейшего шанса избежать наказания, в деле исполнения приговора случается всякое. Кто-то может вообразить, что умереть, попытавшись убить другого, – легче.

Первым от человеческой гирлянды отцепили ничем не примечательного мужчину лет тридцати пяти. Подтолкнув в спину – мимо вышки, к болоту, начинавшемуся шагах в ста, – сообщили сиплой скороговоркой:

– Туда. Пройти двадцать шагов, повернуться, ждать. Марш.

Мужчина потер запястье. Оглянулся через плечо.

– Кордонный невод снят?

– Специально для тебя оставили, – ухмыльнулись сзади. –

Пошел, умник. Других задерживаешь.

Мужчина сделал шаг. На втором шаге он по-футбольному пнул носком ботинка кучку мелкого щебня – веером брызнули камешки. В трех шагах впереди они наткнулись на что-то

невидимое, взвизгнули и повисли серым облачком. На землю посыпался песок.

– А я думал, что на Хляби смертной казни не существует, – кротко произнес мужчина. – Я ошибался?

– На вышке! – гаркнул служака, задрав к небу кирпичное лицо. Наверху показалось другое лицо, не кирпичное, заспанное. – Спишь? Гауптвахты захотел? Почему не снял кордон?

– Виноват, – отчаянно пискнули сверху. – Э... на болоте замечено движение, господин лейтенант.

– Врешь, как всегда. – Кирпичный служака презрительно сплюнул под ноги. – А хоть бы и так – что мне твое движение? Живо снимай кордон. Жду три секунды, о четвертой пожалеешь.

– Готово, господин лейтенант.

– Отставить словоблудие! Как положено рапортовать?

– Кордонный невод снят, господин лейтенант.

Несколько мгновений служака зло сопел, в то время как отделенный от гирлянды мужчина смотрел на него с ироническим сочувствием. Затем осужденный получил тычок промеж лопаток и разом проскочил место, где еще висела пыль от камешков. Из того, что он остался цел, а не был расчленен на тысячу-другую кусочков, можно было заключить, что теперь кордон и вправду временно отключен.

Только для пропуска приговоренных.

– Двадцать шагов вперед. Повернуться, ждать.

Мужчина послушно выполнил требуемое.

Следующей отцепили полную низенькую женщину средних лет. Получив ту же команду, Кубышечка завертела головой на короткой шеенке, как бы что-то высматривая, и, видно, не высмотрела, поскольку, округлив и без того круглые от природы глаза, спросила кирпичнолицего:

– А... где космодром?

Лейтенант сделал ленивое движение, отчего голова женщины мигом втянулась в плечи.

– Марш.

– Меня ведь... к изгнанию, – плаксиво проговорила Кубышечка, пятясь от кирпичнолицего мелкими шажками. – К изгнанию только... – Она всхлипнула, готовая разрыдаться. – Я ведь не здешняя, я туристка, меня вообще по ошибке... Я думала... космодром...

Еще одно ленивое, но со значением движение лейтенанта – и она пошла, семена коротенькими тумбами ног, часто оглядываясь через плечо с ужасом и надеждой.

С остальными проблем не возникло. С каждым раскованным укорачивалась человеческая цепочка. Каждый получал и безропотно исполнял однообразную команду: пройти двадцать шагов за кордон, повернуться, ждать. Последний, крупный мужчина со стрижкой ежиком, демонстративно сплюнул лейтенанту на ботинок и, против ожидания, не получил в ответ ни порции брани, ни тычка стволом лучемета под ребра. Кирпичнолицый лейтенант, сам чем-то похо-

жий на этого осужденного, лишь благодушно ухмыльнулся:
– Полегчало, Юст? Ну иди, иди, не задерживай людей.

Теперь цепочка выстроилась вновь – в двадцати шагах за незримым барьером, в ста шагах от нечеткой береговой линии. Двое солдат с некоторым усилием выволокли из автобуса большой металлический ящик и, занеся его за барьер, поспешно отступили назад. Глядя вверх, лейтенант буркнул: «Давай», – и лишь через несколько секунд, когда голос солдата с вышки доложил о восстановлении кордонного невода, лениво наклонился, стер пучком жесткой травы плевков с носка ботинка и небрежным движением швырнул пучок перед собой. Чуть дохнувший ветерок подхватил и понес травяную крошку.

– Так, – негромко произнес тот, кого расковали первым. – Отрезано.

Вряд ли лейтенант его слышал. А если и имел тонкий слух, то обратил на слова осужденного еще меньше внимания, чем на едва слышное гудение кордонного невода.

Оставалось покончить с последней рутинной процедурой.

– Канн Эрвин, – на одном выдохе проорал он в жестяной рупор, – Отлок Мария, Хольмер Джоб, Касада Хайме, Вейденрих Матиас, Дашиева Лейла, Обермайер Ян, Бузенко Валентин, Шульц Анна-Кристина, ван Борг Юст! – Он перевел дух и продолжал: – Именем народа и правительства Хляби за совершенные вами преступления вы приговорены судом к высшей мере наказания, существующей на нашей планете:

изгнанию. Приговор вступает в силу в данную минуту.

Кубышечка охнула. Остальные молчали. У одного из осужденных по лицу пробежала короткая судорога. Лейтенант энергично прочистил горло, сплюнул и заговорил вновь:

– Ящик – ваш. Хотя, по мне, нет смысла на вас тратить, но по закону изгнанники должны быть обеспечены необходимым минимумом пищи и снаряжения. У вас десять часов на то, чтобы убраться с материка. Тот, кто останется на берегу свыше этого времени, будет сожжен. За полчаса до срока дадим сирену. Счастливые острова строго на восток, порядка трехсот километров через Саргассово болото. Удачи я вам не желаю. – Он повернулся и зашагал к автобусу.

– Подождите! – с привизгом закричала Кубышечка. – Почему здесь? Изгнание – это же с планеты! Я... я требую доставить меня на космодром!

Лейтенант не обратил на нее никакого внимания. Конвойные солдаты, переставшие держать приговоренных под прицелом после включения кордона, заухмылялись.

– На Хляби власти удовлетворяются изгнанием опасных преступников из социума, – пояснил первый раскованный, – это дешевле и эффективнее.

– Но я должна улететь отсюда!

– Попытайся, – мужчина пожал плечами, – если умеешь летать. Кстати, – обратился он ко всем, – нам надо познакомиться. Фамилии и прегрешения перед законом предлагаю

опускать. Я Эрвин. Ты, – он скосил глаз в сторону Кубышечки, – Мария. Кто еще хочет назвать себя?

– Завянь, мальчик, – с величавой ленцой проговорил тот, кого расковали последним. – Я – Юст. Кто-нибудь тут меня не знает?

– Юст ван Борг, более известный как Полярный Волк. – Эрвин кивнул, и легкий шорох прошел среди приговоренных. – Как же, слышали. Но я думал, тебя убили, когда брали Пантеру Хабиба.

– Заткни пасть, я сказал. Будешь говорить, когда я разрешу. Твое имя, шкет? – Палец с палладиевым кольцом, украшенным геммой с изображением оскаленной волчьей морды анфас, указал на вертлявого парнишку лет семнадцати.

– Хайме, – с готовностью ответил тот. – Э... Хайме Касада из братства Савла. Счастлив встретиться, Волк!

– Зато я не очень счастлив, – покривил губы Юст, глядя на парнишку насмешливо. – Прежде в братстве Савла таких сопляков не водилось. За что схлопотал вышку?

– За мокрое дело, Волк... Случайное.

– Ну и сдохнешь теперь. Ты? – Палец с кольцом ткнулся в грудь молодого мужчины, низенького и пухлого. Тот вздохнул.

– Валентин Бузенко. Обвинен в шпионаже в пользу Земли... и Лиги. Ложно обвинен.

– И Земли, и Лиги? Важная фигура... – Полярный Волк комически искривил углы рта. – Тоже сдохнешь.

Как бы в ответ на его слова болото всхлипнуло. Шагах в двухстах от берега вырос бурый горб, по всколыхнувшейся поверхности болота побежали прочь от него кольцевые неспешные волны. Истошно завизжала Кубышечка. Прорвавшись на вершине, горб осел, зато из разрыва взметнулся в серое небо длинный лиловый язык или, может быть, щупальце – покачался туда-суда, затем одним быстрым движением обшарил пространство шагов на пятьдесят вокруг себя и с сочным хлюпаньем уполз обратно. Болото успокоилось. Видно было, как понемногу затягивается дыра в растительном ковре.

– Язычник, – пояснил Эрвин.

– Что? Кто? – Истратив на визг запас воздуха, Кубышечка поперхнулась, со всхлипом вдохнула и закашлялась, давась мошкаррой.

– Язычник. Так зовут эту тварь. Языкастая потому что. Что-то близко от берега. Пари держу, там яма.

– Много их тут? – нервно спросил мужчина лет пятидесяти с внешностью клерка, утирая рукавом залысый череп.

– Хватает. Этот еще маленький.

– Как же мы дойдем до этих... как он назвал? До Счастливых островов?

– Никак, – мрачно отозвался чернявый живчик помоложе. – Передохнем по пути. Да и нет никаких Счастливых островов, сказки это.

– Кажется, я велел всем назваться, – негромко обронил

Юст.

– Не ты, а он. – Рыжеволосая девушка указала на Эрвина. – Только не велел, а предложил. – Демонстративно повернувшись к Эрвину, она назвала себя: – Анна-Кристина.

– Я буду звать тебя Кристи, – сказал Эрвин.

– Это имеет значение?

– Так короче. На болоте все имеет значение, в особенности лишние четверть секунды.

– Закрой хайло, ты, ублюдок! – Не сводя с Эрвина пристального взгляда, Юст подался вперед. – Будешь делать то, что я скажу, иначе... – Движение желваков должно было показать строптивцу, как с ним может быть «иначе». – Уразумел или помочь?

– Помочь. – Эрвин ухмыльнулся.

Угрожающе оскалившись, Юст двинулся к нему. Волк волком. Шевельнулся и Хайме – с явным намерением зайти со спины. Кое-кто отшагнул назад, не желая вмешиваться.

– Между прочим, – вразумляюще сказал Эрвин, – разборки среди осужденных квалифицируются как попытка помешать исполнению приговора суда. Во всяком случае, до тех пор, пока мы маячим в пределах прямой видимости. Солдаты обязаны вмешаться. Хочешь получить в задницу снотворную капсулу, Юст? Можешь поспать, впереди у тебя еще почти десять часов...

– А потом тебя поджарят, – плотоядно улыбнулась Кристина, мотнув рыжей прядью. – Будет жареная волчатина. А

из этого гаденыша, – указала она на Хайме, – жареная крысятина.

Юст Полярный Волк подвигал желваками, но ничего не сказал и отступил на шаг. Конвойные солдаты удобно расположились на граните, с ленивым любопытством наблюдая за приговоренными. Некоторые поднялись на наблюдательную площадку вышки.

– Сейчас для них начнется самое интересное, – вполголоса буркнул Эрвин.

– А что? – спросила Кристина.

– Будем делить снаряжение.

Круто повернувшись, Эрвин направился к металлическому ящику. Было ясно видно, что свою долю он не уступит никому, даже Юсту, и лишь во избежание свары хочет оказаться у ящика первым.

Глава 2

Берег

Избежать свары все-таки не удалось. До поножовщины не дошло, и то ладно. Хотя среди того, чем департамент юстиции пожелал снабдить осужденных, ножи как раз имелись – десять дешевых изделий охотничьего образца в ножнах со шнурками для ношения на шее. Кроме того, ящик скрывал в себе десять легких рюкзачков, трехдневный запас пищевых брикетов в расчете на десятерых, стометровый моток прочной веревки, два топорика на пластмассовых рукоятях, десять пластмассовых же мисок, десять «вечных» зажигалок, два фонарика и компас.

Один захваченный нож Эрвин тут же сунул Кристине, другим взрезал штаны по швам на внутренней стороне бедер. Когда он покончил с этим делом, к ящику было уже не протолкаться: каждый спешил урвать как можно больше. Семь человек сопели, ругались, визжали, пытались отшвырнуть друг друга. Восьмой, громадный костлявый старик с пышной седой гривой, стоял в сторонке, глядя на копошащуюся человеческую кучу со снисходительным сочувствием.

– А ты, дед, что же? – спросил его Эрвин.

– Сильные отнимут у слабых, – отозвался тот густым звучным голосом. – Затем сильнее отнимут у сильных. Так

хочет Господь, так тому и быть вовеки.

Эрвин улыбнулся углом рта.

– Где-то я это уже слышал. Не в церкви ли Господа Вездесущего? Миссионер с Осанны, надо полагать? За проповеди и загремел, паства заложила? Что ж не продолжаешь? Насчет того, что впоследствии хитрейшие отнимут у сильнейших, и это также угодно Богу?

– Господь Вездесущий пребывает повсюду, – был ответ. – Нет в мире ни былинки, ни частицы вне Господа нашего, ни толики малой. Ни мысли, ни поступка, ни шевеления бесцельного, ни дрожи на холоде, ни пота в жару. Бог в каждом человеке во веки веков, аминь.

– И поэтому любой поступок человека угоден Богу, следовательно, оправдан? – с иронией спросил Эрвин.

Глаза старца гневно вспыхнули.

– Богомерзкая ересь сочится из уст твоих! Любой поступок человека и есть поступок Бога!

– В том числе приговор суда?

– Господь посылает мне испытание, – с неколебимой твердостью отвечивал старик. – Он же пошлет мне спасение ради несения света истины заблудшим душам, погрязшим в неверии и ереси!

– Ты Ян Обермайер по кличке Скелет, – сказал Эрвин. – Я слышал о тебе. Зря ты заявился на Хлябь, у нас твоя секта под запретом. Или не знал?

– Господь знает, куда посылать своих чад. – Старик вели-

чаво отвернулся и стал смотреть на болото.

Тем временем схватка за снаряжение подошла к закономерному концу. Над металлическим ящиком, ухмыляясь, возвышался Юст Полярный Волк, и топорик в его руке грозил всякому, кто дерзнет приблизиться. Ближе других к Волку и тоже демонстрируя неудачникам глумливую ухмылку замер в хищной позе Хайме Касада. Совершать без приказа пахана лишние движения он не дерзал, ограничившись перебрасыванием ножа из руки в руку – небрежно и не глядя.

Продолжала всхлипывать Кубышечка.

– Зря, Юст, – сказал Эрвин. – Тебе такой вес по болоту не снести, да и ему, – лезвием ножа он указал на Хайме, – тоже.

Юст будто не слышал его. И демонстративно не замечал.

– Вы! – выдохнул он, обращаясь к остальным, и начал цедить медленные слова – словно тянучку жевал: – В первый раз вижу столько слабаков. Саргассово болото сожрет вас в один прием и не заметит. Поэтому тот, кто хочет живым добраться до Счастливых островов, будет слушать меня. Я знаю, как вести себя на болоте, а вы нет. Поняли? Беспрекословно выполнять все, что я скажу. Тогда, может быть, вы останетесь живы. Кто не хочет, пусть убирается. Есть такие?

– Я желаю убраться, – сказал Эрвин. – И она. – Он указал на Кристину и на этот раз заслужил беглый взгляд Полярного Волка.

– Разве я против? Убирайтесь.

– Сперва мы получим свою долю.

– Ну так иди и возьми! – ухмыльнулся Юст.

Эрвин успел сделать лишь один шаг, прежде чем на него кинулся уловивший движение брови Юста Хайме. Легко уклонившись от ножа, Эрвин ударил мальчишку по шее и не дал ему разбить голову о гранит. Со стороны это выглядело так, будто один споткнулся, а другой неловко поддержал его. Хайме взвыл, когда чужая ступня притиснула его запястье к гранитному щебню, но ножа не выпустил. Голос Эрвина остался ровным:

– Не лучше ли тебе поделиться с нами, Юст?

Одно мгновение Полярный Волк колебался – метнуть в Эрвина топорик или уступить? По всему было видно, что он не из тех, кто уступает. Но видно было и то, что он оценил квалификацию невзрачного с виду противника: не диво сбить с ног сопляка, труднее догадаться раньше дележа взрезать швы на обтягивающих тюремных штанах, что скывают движения не хуже кандалов. Он, Юст, не догадался... Вдобавок еще двое – чернявый живчик и смуглокожая женщина – отделились от кучки осужденных, легонько наметив заход с тыла.

– Мы тоже хотим получить свое, Волк.

Теперь Юст заговорил без ухмылки:

– Хотите сдохнуть в болоте – дело ваше. Группа может дойти, одиночка – нет.

– Нас двое, – возразил Эрвин, указав на Кристину. – Мы хотим попробовать.

Юст не удостоил его ответом. Хайме дернулся, пытаясь высвободиться, и снова взвыл.

– Мы тоже, – сказал живчик. – Только мы никуда не пойдем, верно, Лейла? Надо быть идиотами, чтобы верить в Счастливые острова.

– Не понимаю, с какой стати нам делиться с самоубийцами? – Юст смачно сплюнул, но наклонился к ящику. Шесть запакowanych в пластик пищевых брикетов полетели в сторону одной пары – шесть в сторону другой. – Подавитесь. Болотные твари жирнее будут.

– Это не все, Юст.

Стуча по камням, к ногам Эрвина покатила зажигалка.

– Вторая.

Снова стук по камням.

– Замечательно, Юст. Я бы назначил тебя старшим по блоку. Теперь два рюкзака, две миски и нашу долю веревки. Кристи, подбери.

На глаз, в отрезанном Юстом куске веревки было от силы пятнадцать метров вместо двадцати, но Эрвин не стал спорить.

– Теперь топорик.

– Подавишься.

– Зря, Юст. Заметь, я не требую ни компаса, ни фонарика. Только топорик, и то всего на один час. Потом ты получишь его обратно.

– Я сказал, подавишься!

– Мне кажется, ты боишься. – Эрвин обаятельно улыбнулся. – Всего на один час, Юст. Обещаю.

– Лови!

Умышленный недолет, топорик зазвенел по камням. Прежде чем Хайме успел схватить его и рубануть Эрвина по ноге, оружием завладела Кристи. Юст уже держал наготове второй топорик, но метнуть все же не рискнул.

– Ты добрый человек, Юст...

Лицо Полярного Волка искривила короткая судорога.

– Попадешься ты мне на болоте... Убирайся!

– Сей момент уберусь, – сказал Эрвин, улыбаясь. – Но видишь ли, мне нужно еще кое-что. Этот ящик. Понятно, когда он опустеет.

Кажется, ему все же удалось привести Полярного Волка в некоторое замешательство.

– На кой он тебе, умник?

– Он большой и без дыр. Когда вспотею, нацежу воды и приму ванну.

Юст колебался. Кое-кто хлопал глазами.

– Купи.

Эрвин показал издали три пищевых брикета.

– Мало. – Губы Полярного Волка тронула усмешка. – Гони все шесть.

– Согласна? – Эрвин посмотрел на Кристи.

– Нет.

– Да, – сказал Эрвин. – Да.

Огромное кирпично-красное солнце, изнемогая, валилось куда-то за плоский берег, за единственный на планете Хлябь материк по имени Материк, за низкий кусок суши с заболоченным шельфом посреди чуть солоноватого океана. Две луны – одна маленькая, серпиком, другая большая и почти полная – висели в потемневшем небе. Мошкары стало больше. В воздухе посвежело. Ветер дул с берега на болото, унося миазмы.

Болото дышало приливами и отливами. Сейчас был отлив. На обнажившейся литорали грудками лежали водоросли, живые и разлагающиеся. Некоторые лениво шевелились. Мелкие существа сустились в них – не то рачки, не то насекомые. Во множестве появились крылатые твари. Они пикировали и жировали. Жизнь поедала жизнь, хищная плоть проедала себе дорогу в иной плоти, менее хищной.

– Ты уверен, что сделал правильно? – спросила Кристина.

– Ты о еде? – Эрвин повернул голову. – Абсолютно правильно. Лучше сразу перейти на местную пищу, да и груза меньше. Эти брикеты больше чем на неделю не растянешь, а нам в лучшем случае идти недели три. Что с брикетами, что без – шансы равны.

– Ну ладно, компас не нужен, пойдем по солнцу и лунам... А почему ты не выторговал фонарик?

– Компас не нужен еще и потому, что он в этих местах врет. А фонарик – зачем таскать лишнее? Ночи здесь светлые. Кроме того, свет привлекает змей.

– Откуда здесь змеи? – Кристину передернуло.

– Моллюски, – пояснил Эрвин. – Беспозвоночные, вроде голых слизней, только здоровенные и чертовски проворные. Кстати, отнюдь не вегетарианцы. На болоте много всякого зверья... Ты плети, плети! Думаешь, по одной паре мокроступов нам хватит?

– Пальцы устали. – Кристина виновато улыбнулась, помахав кистью.

– Отдохни и продолжай. Вон те кустики на болоте видишь? На них не надейся: прутьики ломкие, плести их невозможно. А дальше и кустов не будет. Пока мы здесь, глупо не попользоваться местными ресурсами.

– Сколько еще? – спросила Кристи.

– Чего сколько?

– Сколько осталось до срока?

– Три часа десять минут. Плюс-минус три минуты.

– Откуда ты можешь знать так точно?

– У меня вообще хорошее чувство времени, – пояснил Эрвин. – Мы успеваем. Осталось сделать не так уж много.

– Например, придумать, чем крепить эти плетенки к ногам...

– Разрежь на полоски один рюкзачок.

В двухстах шагах от них все так же лежал на брюхе тю-

ремный автобус со значком департамента юстиции на борту. Солдатам давно уже надоело торчать возле невидимого кордона, лишь наблюдатель на вышке, изредка окидывая равнодушным взглядом опостылевшее болото, проявлял какой-то интерес к происходящему на берегу.

Некогда на краю мыса, уступом выдающегося в болото и отсеченного кордоном от материка, росла рощица. Тощие хлыстоватые стволы, сумевшие зацепиться корнями за гранит, служили осужденным на протяжении многих десятилетий, пока роща не расточилась по деревцу, по шесту, по гибкому пруту с верхушки. Разве что совсем глупый не понимал: без оснастки, хотя бы и примитивной, на болото лучше не соваться, ступишь в невидимое «окно» – и нет глупого.

Теперь от рощицы осталось немного. Несколько десятков обреченных топором деревцов из тех, что потолще или потоньше, чем желательно, или вовсе кривых, еще росли в окружении частокола пеньков, покорно дожидаясь своего часа. Большинство пеньков давно почернело от старости, но некоторые выглядели свежими.

Кремнистая древесина сопротивлялась топору со всей яростью: не час, а целых три часа понадобилось Эрвину, чтобы вырубить два кривоватых шеста – себе и Кристине. После этого он в самом деле отдал затупившийся топорик белому от бешенства Юсту.

– Не завидую тем, кого приведут сюда через год, – заметил

он, указав на жалкие остатки рощицы.

Осужденные широко разбрелись по берегу. Хныкала Мария-Кубышечка, бесполезно тюкая топориком в неподатливый ствол. Юст командовал. Старик Обермайер бесстрастно подгонял лямки рюкзака. Мрачный Хайме и мужчина лет пятидесяти с внешностью клерка, отзывающийся на имя Джоб, занимались тем же, чем Эрвин: строгают корявые шесты, снимая кору и колючки. Пухлый Валентин озабоченно ходил по болоту в десяти шагах от берега, пробуя, как держит болотный ковер. Без дела сидели, пожалуй, только чернявый живчик по имени Матиас со смуглокожей Лейлой.

– Спорим, он сутенер? – шепотом сказала Кристина, плетя шестой мокроступ.

– Тут и спорить нечего, сам вижу. Дело знакомое: одалиска не рассчитала дозу, клиент не проснулся, версия непредумышленного убийства суд не убедила. Хотя... по нынешним временам их могли взять и не за это.

– Они что, так и будут сидеть тут и ждать луча?

– Ты когда-нибудь слыхала о сутенере-самоубийце?... Нет? Вот и я тоже. Он хочет затаиться и выждать. Может, и в болото пойдет для виду, но обязательно вернется. Воображает, будто кордон завтра снимут. А невод, между прочим, расходует энергию, только когда кого-нибудь режет, – но откуда об этом знать сутенеру?

– От тебя.

Эрвин усмехнулся.

– Он не поверит. Да и кто он мне такой, чтобы его просвещать: отец? брат?

– Человек, – с вызовом сказала Кристи.

– Просто дурак, вообразивший, что он умнее всех. У меня нет времени уговаривать слабоумных.

– А если они обойдут кордон краем болота?

– Их дело. Кордон режет мыс и тянется вдоль самого берега километров на двести-триста в обе стороны. Дальше тоже немногим лучше: следящие датчики, патрули. Проще пойти к Счастливым островам. У берега меньше язычников, зато больше всякого иного зверья. Пойдут эти двое берегом или останутся здесь – в любом случае шансов у них нет.

– А у нас? – ядовито спросила Кристи. – У нас они есть?

– У нас есть шанс, – сказал Эрвин. – Один из тысячи или из миллиона, не знаю. Но есть.

– Ты слышал, что сказал сутенер? – Кристина резко дернула щекой, отчего рыжая прядь упала на глаза. – Нет никаких Счастливых островов, это легенда.

Эрвин размеренно строгал ствол деревца, срезая по одной неподатливые колючки.

– Это не легенда, – сказал он наконец. – Счастливые острова существуют. Понятия не имею, насколько они счастливые, но там их целый архипелаг, это я знал и раньше. А семь часов назад узнал, что до них в принципе можно дойти.

– Как это?

– Я думал, ты заметила, – усмехнулся Эрвин. – Я был

крайним в цепочке, меня расковали первым. Случайность? Допустим. Солдат не снял кордонный невод. Тоже случайность? Если бы здесь и впрямь царило такое разгильдяйство, осужденные бежали бы пачками. Однако никто и никогда не слышал об удачном побеге. Следовательно, меня хотели уничтожить наверняка, списав на несчастный случай. А зачем уничтожать того, кого, по идее, и так убьет болото?

– Ты уверен? – В голосе Кристи насмешка боролась с надеждой. – Не слишком ли сложно?

– Наоборот, очень просто. Взгляни, кстати, на вышку. Куда нацелен лучемет – все еще на меня?

– Точно.

– Я и не сомневался. Значит, нам надо убратсья с берега раньше других. Я не хочу никаких случайностей.

Кристина всматривалась в него долго, с новым интересом.

– Ты что, большая шишка? В смысле, был большой шишкой?

Ответа не последовало: уколотившись о колючку, Эрвин сосал палец.

– Ладно, – вздохнула Кристина. – Твое дело. Захочешь – расскажешь. В конце концов, не важно, кем ты там был, важно, что прежде ты бывал на болоте.

Эрвин вынул палец изо рта и сплюнул.

– С чего ты взяла? Я здесь в первый раз, как и ты.

– Шутишь.

– Нисколько. Так что тебе еще не поздно переменить ре-

шение.

Без всякого сожаления Кристи покачала головой.

– Поздно. Теперь меня Волк не возьмет.

– Возьмет.

– В качестве рабыни? Или наложницы? Каждый день валяться под ним или его прихвостнем в грязи? Делать то, что он велит, и не вякать?

– Как хочешь. Учти, со мной тебе тоже придется делать то, что я велю.

– Интересно... С какой это стати?

– С той стати, что я лучше тебя знаю Саргассово болото.

– Ты же никогда здесь не был?

Срезав последнюю колючку, Эрвин придирчиво осмотрел трехметровый кривоватый шест, покачал его в руке, еще раз пробуя на вес, и недовольно поморщился: тяжеловат.

– Быть и знать – разные вещи...

* * *

Примерно за час до срока они сидели на камнях и отдыхали. Кристи разминала натруженные пальцы. Багровое солнце давно кануло за горизонт, зашел и серпик меньшей из лун. Вторая луна – начищенная медная тарелка – упрямо карабкалась в зенит. Третьей не было видно. Фигуры людей, дерева, камни, сторожевая вышка отбрасывали четкие тени.

Неподалеку продолжали суетиться люди Юста. Все спе-

шили. Кто-то спешно доплетал мокроступы. Матиас и Лейла растворились в сумраке. Тюкал топорик – Кубышечка Мария продолжала всхлипывать, не в силах справиться с узловатым, явно непригодным деревом. Никто не пожелал вырубить для нее шест.

– Может, поможешь женщине? – предложила Кристи.

Эрвин отрицательно покачал головой.

– Мне надо отдохнуть...

– Ну тогда я пойду помогу.

– Тебе тоже надо отдохнуть.

– Ты уже начал мне приказывать? – Кристина поднялась на ноги.

– Сядь, – отозвался Эрвин лениво. – Я пока не приказываю, я советую. Избегай бесполезного. Эта женщина, считай, уже мертва. На ее месте я бы не сдвинулся с места. С шестом ли, без шеста ли – она не дойдет и до Гнилой мели. Пользы от нее – ноль. Юст не гонит ее взащей только потому, что надеется подставить... как, впрочем, и остальных. Всех погубит, лишь бы самому дойти. Но ее первую.

– И ты можешь об этом спокойно рассуждать? Ну вот что... – Кристина тряхнула волосами, и цвет их в сиянии медной лунной тарелки напомнил о темной бронзе. – Она пойдет с нами, понятно? Я без нее не пойду, так и знай.

– Тогда я выберу себе кого-нибудь другого, а вам с Марией придется идти вдвоем, – невозмутимо возразил Эрвин. – Мне ее жаль, но помочь ей я не в силах. Предпочитаю, чтобы

в ее смерти был виноват Юст, а не я.

– Знаешь, – Кристина помедлила и все же села, – а ты негодяй.

– Да, мне говорили.

– Почему ты выбрал меня? Тебе нравится рыжий цвет?

– Ненавижу.

– Тогда объясни, на кой черт я тебе сдалась?

– Остальные еще хуже. Притом у тебя ноги кривые.

– У меня-а?!

– Кривые, кривые. Когда человек идет по болоту, он поневоле ставит ноги особым образом. Это отчасти компенсирует кривизну. Я видел, как ты идешь посуху. Душераздирающее зрелище. Хочу, чтобы у меня перед глазами был приятный вид.

Она не задохнулась от злости – сумела смолчать, ничего не выразив на лице. Потом осведомилась с едким сарказмом:

– Стало быть, я пойду первая?

– Да.

– Ты в этом уверен?

– Вполне. Ты пойдешь впереди меня, причем добровольно.

– А если откажусь – пойду одна, так? – Глаза Кристины сузились, лицо окаменело.

– Нет, – возразил Эрвин, – тогда первым пойду я, и я же буду чаще проваливаться, а ты – меня вытаскивать. Я тебе нужен, как и ты мне. Юст сказал истинную правду: один по

болоту далеко не уйдет. Будь я легче, а ты сильнее, я пошел бы впереди.

Кристина помолчала, осмысливая.

– У тебя что, заранее все просчитано?

– Только то, что можно просчитать.

– Ну тогда я спокойна, – сказала она насмешливо.

Эрвин не ответил.

– За что хоть ты сюда попал?

– Тебе это обязательно надо знать?

– Хотелось бы.

– Ни за что. И за все.

– Убил, наверно, кого-нибудь? – понимающе усмехнулась

Кристина.

– Прямо – никого. – Эрвин пожал плечами. – Косвенно – да, безусловно. Так всегда бывает. Только не спрашивай кого, я не знаю.

– А я убила. – Кристина вызывающе тряхнула копной волос. – Знаешь кого?

– Своего любовника.

– Откуда ты знаешь?

– Нетрудно сообразить. Ты не местная, у тебя акцент уроженки Тверди, прожившей на Хляби несколько месяцев. Следовательно, не туристка. На служащую по контракту не похожа. Стало быть, тебя привез сюда любовник не из бедных, но не миллиардер. Иначе я о тебе слышал бы. Кто он: член городской управы какой-нибудь? Директор фирмы

средней руки?

– Муниципальный инспектор по охране среды, – мрачно сообщила Кристина. – Толстое сопящее дерьмо.

– Дерьмо не сопит.

– Это у вас на Хляби не сопит. А у нас на Тверди есть одно животное...

Она не договорила – в этот момент тянуще завывла сирена.

Глава 3

Девять человек и ящик на веревочке

Оглушительный мерзкий звук ударился о гранит, расплескался по болоту. Кристи подбросило. В голос зарыдала Кубышечка. Ян Обермайер, неустрашимый миссионер церкви Господа Вездесущего, – и тот, вздрогнув, втянул голову в пугающе костлявые плечи. Джоб зажал уши.

Звук оборвался, и тишина оглушила людей. Стало слышно, как тихонько шумит, словно дышит, болото. Что-то поскрипывало и пощелкивало в водорослевом ковре. Начинался прилив.

– Пора, – сказал Эрвин, вставая. – Не забудь свой шест.

Он разделил ножом веревку на две неравные части, конец большего куска обвязал вокруг пояса Кристины, конец меньшего привязал к ручке опустевшего металлического ящика; оба свободных конца обмотал вокруг своего пояса ниже тощего рюкзака и скрепил узлом.

– Ну, двинулись.

Сразу же загрохотало, загремело гулко. Громоздкий легкий ящик изрядно резонировал, скача по камням. Хайме Касада захохотал и выгнулся дугой, изображая приступ буйного веселья. Юст ухмыльнулся и сплюнул вслед:

– Не попадись мне на болоте, умник.

Очень скоро ящик перестал грохотать и зашуршал по водорослям. Ударило в нос зловоние. Гранит полого, незаметно для глаз понижался, и трудно было понять, где же в точности проходит граница Саргассова болота. Поначалу под слоем водорослей, живых и гниющих, еще чувствовалось каменное ложе, и под ногами смачно лопались пупырчатые гроздья соплодий. Потом гранит перестал ощущаться, а еще через несколько десятков шагов ковер растительности начал колыхаться при каждом шаге. Под мокроступами зачавкало.

– Я ноги промочила, – сообщила Кристи. Помедлив, она добавила: – А эта жижица совсем не холодная.

– Мелкое, почти пресное окраинное море, – пояснил Эрвин. – Оно хорошо прогревается. Мелкое-то оно мелкое, но утонуть нам глубины хватит, так что держи шест как полагається.

– Поперек, что ли?

– Вот именно. Если ноги провалятся, постарайся лечь на него животом. Я тебя вытяну.

– Мы будем идти всю ночь?

– Да, если не будет явной опасности.

– А днем мы что будем делать?

– Тоже идти. Чем скорее, тем лучше.

– «Скорее»! Это с ящиком-то на буксире?

– Он не мешает. погоди... Стой, говорю!

– Что случилось? – Кристи остановилась.

– Кажется, кто-то идет за нами...

И верно: ритмичное колыхание болота выдавало бредущего человека надежнее, чем медный лунный свет. Топоча мокроступами, как водоплавающая птица своими перепонками, Эрвин повернулся к берегу. Шест остался в левой руке – правая невзначай легла на рукоять ножа.

– Стой, – скомандовал Эрвин.

Если Лейла и была вооружена, то в глаза это не бросалось. Низкий голос с чувственной хрипотцой произнес:

– Можно мне пойти с вами?

Шеста при ней не было, мокроступов тоже.

– Нет, – отрезал Эрвин.

– Я не стану обузой, обещаю.

– А что же твой... работодатель? Не передумал?

– Матиас? Он остался, прячется. Там щель в граните... маленькая, на одного. Велел мне искать другое место, только нет там никаких других мест, да и ночь светлая – обязательно заметят. Или заложит кто-нибудь из тех... – Лейла кивнула через плечо в сторону берега. – Ну и пусть он сдохнет, если ему хочется, – продолжала она с ожесточением, – а я решила уйти. Так можно мне с вами?

– Я же сказал: нет. Возвращайся, просись к Юсту, он возьмет.

Ни спорить, ни умолять Лейла не стала – ожгла ненавидящим взглядом, круто повернулась, всколыхнув болотный ковер, и зашагала прочь, к берегу.

– У нас есть запасные мокроступы, – тихонько сказала Кристи.

– Которые нужны нам самим, – оборвал Эрвин. – Мы зря теряем время. Вперед.

– Между прочим... ты точно заметил, откуда вылез тот язык? – Кристи завертела головой.

– Не беспокойся, язычника мы оставляем справа. Если только он не переполз... Давай двигай. И в следующий раз выполняй команду сразу, без болтовни. Кстати, не топчись подолгу на одном месте – затянет.

– Даже в мокроступах?

– Не знаю. Но лучше не искушать судьбу.

В медном свете луны водорослевый ковер отсвечивал антрацитовым блеском. Лужи казались покрытыми ржавой пленкой. Смачно, жирно чавкали мокроступы. То и дело какие-то мелкие создания, панически попискивая, спешили убраться с дороги и затаиться, слившись с упругим ковром. Не то крошечные тритоны, не то головастики.

– Хоть раз признался, что чего-то не знаешь о болоте, – насмешливо проговорила Кристи, оглянувшись через плечо. – А то слушаешь тебя – прямо знаток...

– Что ты этим хочешь сказать?

– Признался – значит, не безнадёжен. Это комплимент.

– Я тронут... Между прочим, советую смотреть вперед. Да и под ноги тоже.

– Эти головастики опасны?

– Только если объеешься ими. В них слабый токсин, но вообще-то они съедобны.

Крестину передернуло.

– Ты хочешь сказать, что нам придется ими питаться?

– И ими тоже... Стоп. Видишь впереди кочку?

– Да.

– Обойди-ка ее справа шагах в десяти.

Они обошли кочку. Ничего не случилось.

– Не поняла, – сказала Кристи. – По-моему, кочка как кочка. Комок водорослей.

– Возможно. Но экспериментировать мы будем днем, а не ночью. Пройди еще двадцать шагов и остановись.

– Зачем?

– Хочу взглянуть назад.

– На Юста и компанию?

– Ага.

Похоже, Эрвин в самом деле обладал незаурядным чутьем: выбранное им место казалось вполне надежным, и Кристина удержалась от язвительного замечания. Возможно, неглубоко под слоем спутанных, пропитанных болотной жижей водорослей пряталась каменистая мель.

– Так и есть, – сказал Эрвин, взглядевшись, – уже идут. Точно по нашему пути. Фонариками светят, идиоты.

– А недалеко же мы ушли, – разочарованно протянула Кристина. – Я думала...

– Что ты думала? Это болото. Торопливых оно любит –

питается ими.

– Сам же говорил: чем скорее, тем лучше.

– Что, уже и глупость нельзя сказать?

– Сколько их там? – спросила Кристи, помолчав.

– Не вижу... Семь, наверное, считая одалиску. Сутенер наверняка не примкнул – знаю я таких. Упрямый идиот.

– Пойдем, – Кристи потянула за веревку.

– Подожди. Полчаса сейчас кончатся.

Ждать пришлось не больше минуты – и снова над болотом повис тягучий вой сирены. Загорелся и забегал по берегу луч прожектора, выхватывая из сумрака валуны, комки водорослей, остатки обреченной рощицы.

Затем, на мгновение развалив ночь надвое, на западе что-то ярко вспыхнуло и погасло. Донеслось короткое шкворчащее шипение – словно плюнули на раскаленную сковородку. И сейчас же что-то гулко лопнуло – вероятно, треснул не выдержавший нагрева гранит.

– Все, – констатировал Эрвин. – Одним меньше.

* * *

Когда занялся рассвет, Эрвин объявил привал. Третья луна, самая маленькая, бледнела на глазах, поглощаемая разгорающимся алым заревом. Легкая дымка висела над болотом. Оживали стаи насекомых, несомненно из породы убежденных кровососов, но, по-видимому, человеческая кровь их не

привлекала. Кусаться не кусались, но лезли и в глаза, и в уши, и за ворот.

Пожалуй, лишь в хорошую оптику отсюда удалось бы разглядеть верхушки деревьев на покинутом берегу да площадку наблюдателя на дозорной вышке. Сам же берег исчез бесповоротно, как и не было, – ни знака, ни намека, ни едва угадывающейся темной полосы на западном горизонте. Казалось, что здесь уже середина Саргассова болота, хотя фактически было еще побережье.

Мелей больше не попадалось, с середины ночи и до утра шел сплошной зыбун. Эрвин уложил параллельно оба шеста, взгромоздил на них ящик и, усевшись на край крышки, приглашающе похлопал ладонью рядом с собой:

- Отдыхай.
- Сперва отвернись.
- Зачем еще?
- Мне надо кое-что сделать.
- Мне тоже, и можешь не отворачиваться. Привыкай.

Через минуту они сидели на ящике спина к спине, с наслаждением вытянув гудящие ноги. Не сговариваясь, оба посмотрели на запад. Километрах в полутора брела по направлению к ним цепочка людей Юста. За ночь они отстали не менее чем на час.

- Как ты догадался? – спросила Кристина.
- О чем?
- Насчет ящика. А то пришлось бы валиться прямо в

грязь.

– Еще придется, – утешил Эрвин. – Спать ты где будешь – на ящике? Ради одного лишь сиденья не стоило отдавать за ящик еду.

– А для чего еще?

– Переплывать полыньи, например.

– Вдвоем?

– Поодиночке. На неширокую полынью веревок у нас хватит.

– Не вижу ни одной полыньи.

– Еще будут. Погоди-ка... Не скажу наверняка, но, кажется, нам везет... Оно или нет?

– Что?

Не ответив, Эрвин вскочил с ящика и, прочмокав мокроступами по зыбуну, добрался до малоприметной былинки, поднявшейся над водорослевым ковром на какую-нибудь пядь. На вид – первый чахлый росток будущего куста, проклюнувшийся из занесенной ветром споры. Внимательно и с величайшей осторожностью осмотрев былинку, Эрвин покачал головой и, скинув робу, ухватился за росток через плотную ткань.

Ответный рывок растения был таков, что Эрвина едва не швырнуло лицом в грязь. Водорослевый ковер прогнулся, ноги в мокроступах ушли до середины икр в выступившую коричневую жижу. Кристине было видно, как под очень белой кожей на спине Эрвина отчаянно напряглись мышцы,

она слышала, как он застонал, но не выпустил растение. Пядь за пядью упругая лоза – или хлыст? – сдавалась, покидая зыбун. И вдруг – сопротивление разом ослабло. Эрвин упал на спину. Чавкнуло болото.

Гибкая петля хлестнула, безошибочно найдя человеческую плоть, оставивила на коже красный рубец, и пошла, пошла опутывать ворочающегося в грязи человека. Кристи вскрикнула. Вскочив с ящика, неуклюже заметалась, выбивая мокроступами фонтанчики грязной воды, не зная, бросаться ли на помощь или резать веревку и бежать прочь.

– Ножом наискось! – прохрипел Эрвин. – Не здесь! Дальше...

Натянувшаяся лоза страшно закрипела под лезвием, но поддалась. Обрубок шустро втянулся в болотный ковер. Кряхтя, Эрвин поднялся на ноги, попробовал почиститься, размазывая грязь.

– Спасибо...

– Дурак! – бросила Кристина. – Тебе что, все потрогать надо?

Эрвин засмеялся. Опутавший его обрезок лозы вяло шевелился. В длину в нем оказалось метра четыре.

– Сойдет...

– Не поняла, – сказала Кристи.

– Счастье, что я все-таки не выпустил эту дрянь, – заметил Эрвин, надевая робу через голову, и поморщился, задев рубец. – Если бы хлестнуло концом... Я видел такие раны –

зрелище не для слабонервных. Бывает, помирают от одного удара.

Обрезок шевельнулся в последний раз и замер. Эрвин аккуратно смотал бич.

– Так это что – оружие?

– Угу.

– Против людей?

– Против всех.

Они снова сели на ящик.

– Лучше бы ты нашел что-нибудь поесть, – заметила Кристина.

Эрвин покачал головой.

– Здесь – нет. Если хорошо пойдем, то завтра – может быть. Сегодня придется поголодать. Пей воду, помогает.

– Меня от нее тошнит. А твои местные ресурсы?

– Были бы, если бы до нас здесь никто не ходил. Изгонять закоренелых преступников в Саргассово болото начали на Хляби еще лет сто назад. Можешь не сомневаться: что у берегов не подъедено, то распугано. Здесь мы ничего не найдем, кроме головастика. Да и тех мало.

– А дальше?

– А дальше доходят не все. Слушай, может, хватит говорить о еде? Давай поболтаем о чем-нибудь другом.

– О чем? – спросила Кристина, не оглядываясь.

– Например, о том, почему ты решила пойти со мной, а не с ними. – Эрвин кивнул в сторону приближающейся ко-

манды Юста.

– Тебе это интересно?

– Не очень. Но не молчать же.

– Я думала, ты крутой мужик.

– И кем же я оказался на самом деле? – спросил Эрвин с усмешкой.

– Кабинетным работником, – объявила Кристина. – Когда ты снял робу, мне все стало ясно. Белое тело, жирок даже... Ты и вправду никогда не бывал в этих краях.

– Жалеешь?

– Теперь нет. Но если бы пришлось выбирать снова... не знаю, не знаю. Юст, конечно, подонок, но выглядит понадежнее тебя... уж прости за прямоту.

– Прощаю. Кстати, еще не поздно переиграть.

Кристи не ответила, и Эрвин не настаивал. Отдыхая, оба долго смотрели, как, растянувшись по болоту шагов на пятьдесят, к ним приближаются люди Юста.

Первой в связке шла Лейла. Поравнявшись, скользнула по Эрвину ненавидящим взглядом и остановилась. Веревка провисла, попала под ноги шумно дышащей Кубышечке. Запутавшись, та рухнула на четвереньки. Колыхнулся зыбун, Кубышечка охнула.

Все тяжело дышали.

– Тесны дороги на Хляби, – объявил Эрвин, дождавшись Юста, идущего предпоследним в связке. – Двоим никак не разойтись.

– Ты! – прорычал Юст. – Я тебе говорил: не попадайся мне не болоте? Говорил, нет?

– С удовольствием, если ты не будешь наступать мне на пятки.

Не вставая с ящика, Эрвин поигрывал бичом. Очевидно, этот предмет был хорошо знаком Юсту ван Боргу, поскольку тот сразу сбавил тон:

– Полярный Волк ходит там, где хочет. Между прочим, – Юст помедлил, прищурившись, – я раздумал продавать тебе этот ящик. Верни его.

– Ты его уже продал.

– Да? Что-то не припомню. По-моему, ты добровольно отказался от своего рациона, только и всего. Кто думает иначе? Но так и быть, можешь получить назад свои брикеты.

Кристина сглотнула.

– Нет, – Эрвин с улыбкой покачал головой.

– А если я очень хорошо попрошу? – Глаза Юста угрожающе сузились.

– Попытайся.

– А если попросим мы все?

Свистнув, бич рассек веревку между Юстом и Джобом. Еще один свистящий удар окончательно отделил Юста от связки.

– Так тебе будет удобнее просить...

– Сволочь!.. – выхаркнул Юст. Шест, что он держал, как пику, оканчивался острием примотанного за рукоятку ножа,

отнятого, как видно, у Кубышечки. Собственный нож Юста висел, как положено, у него на шее. – Ты уже труп, понял, придунок? – Однако, против ожидания, Юст шагнул не вперед, а назад.

– В следующий раз я уполовиню твой шест, – зловеще предупредил Эрвин. – А потом тебя самого. Устраивает?

– Отстань от человека, Волк, – проговорил Обермайер. – Что продано, то продано, он в своем праве.

Вряд ли Юст всерьез накинулся на старого проповедника, скорее, обрадовался возможности сохранить лицо.

– Ась? Как ты сказал? А ну, повтори! От че-ло-ве-ка?!!

– Господь Вездесущий внушает ему нечто, нечто же Он внушает и нам. Нам не отнять ящик, а значит, Он того хочет.

– Козел старый, – прокомментировал Хайме.

Лейла угрюмо молчала. Кубышечка опять начала всхлипывать. Джоб нагреб под себя ком мокрых водорослей и сел, тяжело дыша. Валентин тупо топтался на одном месте, выдавливая болотную жижу.

– Эй, Юст! Твои люди не могут поискать место для привала где-нибудь еще? – спросил Эрвин.

– Сам поищи!

– А что, и поищу. – Эрвин встал. – Пойдем, Кристи, пора. А вам – счастливо оставаться. – Он насмешливо сделал ручкой, обращаясь преимущественно к Юсту. – Между прочим, не советую идти по нашему следу.

– Тебя, умника, не спросили, – огрызнулся тот.

– Ты что, не мог их прогнать? – спросила Кристи, когда они удалились на полкилометра.

– Мог, наверное. Но зачем? Они устали, а мы уже в порядке. Можем идти. Спорим, они пойдут по нашему следу?

Мутное красное солнце дрожало на востоке, путаясь в болотных испарениях, и не резало глаза. Зыбун не кончался. Маслянистая пленка на поверхности луж казалась ржавой и при свете дня. Чавканье и чмоканье мокроступов накладывалось на однообразный шорох ползущего за Эрвином ящика.

– Как это глупо, – глуховато сказала Кристина, не обратив внимания на ответ. – Глупо и унижительно. Я о приговоре. Нам приказали – мы ушли. Без слова, без писка. Месим вот грязь. Один Волк огрызнулся... и тот по-шакальи.

– Он не Юст Полярный Волк, – сказал Эрвин. – Полярного Волка застрелили полгода назад. Я видел труп. Этот тип самозванец.

– Он бывал на болоте, – уверенно возразила Кристина.

– Ну и что? По-твоему, всякий мелкий паханчик, кого раз-другой угораздило промочить здесь ноги, – уже Полярный Волк?

– Я этого не сказала... Кстати, откуда здесь вообще люди?

– Какие люди? Никого здесь нет... разве что подальше,

на Гнилой мели. На севере – да, бывают. Там безопаснее. Кормятся у берега, далеко не ходят. Изгой всякие, сектанты, беглые преступники... словом, шваль болотная. Настоящий Полярный Волк тем и прославился, что сколотил из них банду и терроризировал прибрежные поселки. Так она и называлась: братство Волка – в пику братству Савла и иным бандам. Как перебрался в столицу, так и погорел. Его свои же подставили. А кроме того, этот наш «Юст» не знал, что солдатам на нас начхать, они не стали бы вмешиваться в разборки. Я соврал, а он поверил.

– Тогда почему ты не рассказал это остальным? – оглянувшись, спросила Кристина.

Эрвин пожал плечами.

– А зачем?

– Сам же говорил: всех погубит, только бы самому дойти.

– Так и сделает. – Эрвин кивнул. – А нам-то какое дело?

Не несмышлениши ведь – взрослые люди, у каждого есть голова на плечах... теоретически. Выбор у них был. Они выбрали.

– Лейла хотела выбрать нас, – поддела Кристина. – То есть тебя. Или тебе не по душе профессионалки?

– Я тоже выбрал. Лейла нам не нужна. И никто другой. Вдвоем всего безопаснее, только они этого еще не знают. Ходить по болоту толпой – только кормить язычников и прочую фауну. Юст кретин.

Несколько минут Кристина двигалась молча.

– А кого бы ты взял, если бы я отказалась?

– Зачем тебе знать?

– Просто хочется. Каприз.

– Избавляйся от капризов. Но так и быть, скажу. Бухгалтера. Или проповедника.

– А почему не Валентина?

– Амеба.

– И Джоб – амеба.

– Он был бы послушной амебой. Ему нужен начальник, особенно на болоте. Окажись он здесь в одиночку, не думаю, чтобы он рискнул пойти к Счастливым островам. Но и подставить себя под луч у него не хватило бы духу – так и мыкался бы недалеко от берега, пока не сгинул бы. Но что толку об этом говорить – он выбрал Юста.

– А почему вдвоем безопаснее?

– Скоро увидишь. – Эрвин оглянулся. – Ага, тронулись. Точно за нами, как я и говорил. – Он коротко рассмеялся. – Возьми-ка чуть правее.

– Прямо надежнее.

– Я вижу. Вправо, я сказал. Нет, не так круто... Хватит. Держи это направление.

– Ты что затеял? – тревожно спросила Кристи.

– Немного поучу их уму-разуму. Урок здравого смысла. Не беспокойся, не утонут. Не должны.

Очень скоро под мокроступами зачавкало сильнее. Водорослевый ковер отчаянно прогибался под весом людей, при

каждом шаге приходилось словно выбираться из ямы, вот только яма никак не кончалась.

– Хватит, – тяжело дыша, сказал Эрвин. – Теперь держи левее. А то и мы провалимся, веселого мало будет.

Они двигались еще с полчаса, прежде чем сзади их нагнал крик. Кричали двое: Кубышечка и, кажется, Хайме.

Эрвин засмеялся.

– Теперь можно не спешить – у них покамест есть занятие. Может, сообразят, что по Саргассову болоту гуськом не ходят. Давай-ка возьми еще левее. Кочки видишь? Там и по-ждем.

– Зачем нам их ждать?

– Послушай, ты не могла бы не задавать лишних вопросов?

– Это и меня касается. Ты что, намерен заботиться обо всех?

– Еще не хватало. – Эрвин хмыкнул. – Но сама подумай: зачем они нам за спиной? Пусть идут впереди или хотя бы тащатся параллельно, больше проку будет.

Прошлепав по последней ржавой луже, Кристи выбралась на относительно надежное место и с облегчением перевела дух.

– А не лучше ли нам рвануть как следует и оставить этих копуш далеко позади?

Ответа не последовало, и Кристи обернулась. Эрвин молча качал головой – со снисходительным сожалением и

немного насмешливо.

Глава 4

Все еще девять

Костер зажегся с первой попытки: стоило поднести огонек зажигалки к кучке ломкого хвороста, как огонь взвился и загудел, зашипели под ним мокрые водоросли. Должно быть, корчащиеся в пламени ветки болотного кустарника содержали в себе немало эфирных масел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.